УДК 343.985

А.С. Скоревич, Д.А. Мезинов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАИМСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ТАКТИКУ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

Рассматривается тема междисциплинарных исследований, связанных с заимствованием моделей коммуникации из смежных наук в криминалистическую тактику коммуникативных следственных действия. На основании смыслообразующей составляющей коммуникации выделены следующие подходы: кибернетический, семиотический, этологический, психологический. Обозначены тактические возможности использования сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого.
Ключевые слова: междисциплинарные исследования; модели коммуникации; мотивация; тактические приемы допроса.

Междисциплинарные исследования возникают вследствие пересечения сфер интересов различных наук. Явления объективной действительности, выступая в качестве предмета исследования, могут изучаться посредством методологического инструментария как гуманитарных, так и технических наук. Интеграция полученной таким образом информации влечет возникновение отдельных областей знаний. В качестве такого предмета исследования выступает коммуникация как деятельность человека, связанная с обменом информации. Интегративная область знаний о коммуникации формируется в результате исследований, проводимых в рамках широкого спектра наук: политологии, социологии, психологии, лингвистики, нейрофизиологии, математики, физики.

Коммуникация представляет интерес для криминалистики как деятельность, реализуемая в процессе взаимодействия людей при производстве следственных действий. Исходя из того, что «важным источником происхождения криминалистических методов и средств служат достижения иных наук» [1. С. 42], соответствуя «интегративной природе криминалистической науки» [2. С. 244], следует установить то, каким образом данные научных разработок в сфере коммуникации могут представлять ценность посредством «приспособления этих данных для решения задач, стоящих перед криминалистикой» [2. С. 244].

В качестве заимствований будут рассмотрены модели коммуникации, «в силу того, что коммуникативное моделирование является основной формой познания коммуникации» [3. С. 49]. Посредством моделирования осуществляется «достижение оптимального уровня упрощенности, приближенности и адекватности» [4. С. 10] информации, что имеет существенное значение при интеграции знаний о коммуникации в криминалистику.

Существующие определения коммуникации, исходя из выделения смыслообразующих составляющих данного понятия, следует сгруппировать на следующие подходы: кибернетический, семиотический, этологический, психологический.

Кибернетический подход определяет коммуникацию как «обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями, которые в состоянии принимать информацию, накапливать ее, преобразовывать» [5. С. 11]. «Коммуникация – это акт отправления информации от мозга одного человека к мозгу другого человека… в этом процессе существуют отправитель, получатель и сообщение, передаваемое от первого ко второму» [6. С. 18]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – это система передачи информации. Информация передается посредством каналов связи, между источником и получателем. Кибернетический подход отличается количественной обработкой информации безотносительно ее смыслового содержания. Участники коммуникации характеризуются только способностью передачи, обработки и хранения информации.

В рамках кибернетического подхода разработана модель коммуникации Шеннона – Уивера (рис. 1). Авторы данной модели – специалисты в области математики, моделировали коммуникацию как стохастический процесс.

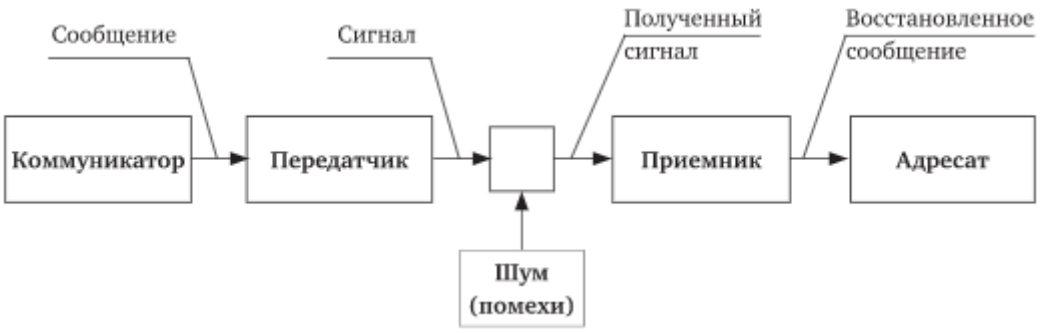

Рис. 1. Модель коммуникации Шеннона – Уивера

Модель коммуникации Шеннона – Уивера [7. P. 7] включает в себя участников коммуникации (коммуникатор и адресат), канала связи, который состоит из передатчика (проводник сигнала от коммуникатора), приемника (проводник сигнала к адресату) и шума (факторы, вызывающие искажение или частичную потерю сигнала). Назначение данной модели – в изучении передачи информации: количественное измерение в буквенном или численном выражении и качество соответствия полученного сообщения его исходному смыслу.

К кибернетическому подходу также относится линейная модель коммуникации. Г.Д. Лассуэл сформулировал схему анализа коммуникации в формате ответов на следующие вопросы: Кто? Что сообщается? По какому каналу? Кому? С каким эффектом? [8. P. 215]. В изначальной редакции назначением указанной модели было структурировать научный анализ политологических исследований феномена коммуникации. Впоследствии линейная модель коммуникации была усовершенствована Г.Д. Лассуэлом. Дополненная версия модели была представлена следующим образом [9. P. 62]:

Участники (Participants) ⟶ Цели (Perspectives) ⟶ Ситуация (Situations) ⟶ Ресурсы (Base Values) ⟶ Стратегии (Strategies) ⟶ Реакция (Outcomes) ⟶ Результат (Effects).

Дополненная линейная модель рассматривает коммуникацию посредством анализа того, кто, с какой целью, в какой ситуации, обладая какими ресурсами, используя какие стратегии, достигая какой аудитории, какой получает результат.

Логика изложения линейной модели не вполне оправдана графическим изображением последовательности структурных элементов в связи с разнопорядковостью элементов, включенных в состав модели. Наименование «линейная модель» призвано обозначить характеристику ее одномерности. Данная характеристика выражается в том, что элементы модели составляют отдельные аспекты исследования коммуникации. Структура линейной коммуникативной модели не определена на основе корреляционных зависимостей, что означает отсутствие в графическом изображении линейной модели взаимодетерминации входящих в ее состав элементов.

Отличительная особенность линейной модели коммуникации – в формализации структуры коммуникации, благодаря чему модель обладает значительной теоретической и прикладной ценностью. Теоретическая ценность линейной модели в том, чтобы «придать структурную организованность дискуссиям о коммуникации» [10. С. 96]. Практическая ценность заключается в потенциале использования модели в качестве инструмента для принятия организационных управленческих решений в сфере коммуникации [11. P. 22].

В отношении линейной модели коммуникации отмечается «односторонний акцент изучения» [12. С. 7], который определяет «подход к коммуникации как к прямому воздействию сообщений коммуникатора на реципиента, который выступает лишь в качестве объекта, реагирующего на полученную информацию» [13. С. 214]. Таким образом, линейный характер данной модели коммуникации также трактуется как однонаправленный «процесс убеждения» [14. С. 9] субъект-объектного воздействия.

Преимущества моделей коммуникации кибернетического подхода заключаются в структурном представлении коммуникативного процесса, возможности количественной обработки информации, установлении параметров эффективности коммуникации.

Ограничения моделей коммуникации кибернетического подхода – в односторонней направленности акта коммуникации, обезличивание получателя информации до объекта воздействия, абстрагировании от смыслового содержания информации.

В юридической науке кибернетический подход к коммуникации задействован в методологии цивилистических исследований [15. С. 421], толковании правовых актов [16. С. 201]. Отдельные положения линейной коммуникативной модели также используются при анализе преступлений экстремистской направленности [17. С. 87], изучении вопросов коррупции [18. С. 130].

Заимствование кибернетических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса. Во-первых, анализ сообщаемой допрашиваемым информации посредством маркировки данных по разделам. В качестве разделов следует избрать криминалистическую характеристику расследуемой категории преступления, которая выступает как «система значимых для расследования сведений» [19. С. 39].

Таким образом сообщаемая информация может быть промаркирована как данные, относящиеся к «способу совершения преступления», «потерпевшему», «способу сокрытия следов» и т.д. Реализация такого анализа, во-первых, обеспечит оценку полноты сообщаемых допрашиваемым сведений, и в случае необходимости будет основой для конкретизации типовых вопросов, уточняющих сообщенную информацию и дополнительных, касающихся разделов криминалистической характеристики, о которых допрашиваемым не было сообщено необходимых данных. Во-вторых, кибернетическая модель коммуникации может быть задействована в рамках ситуационного подхода [20. С. 95] к анализу проведения допроса. Обстановка следственного действия может быть рассмотрена в качестве факторов шума, влияющих на канал передачи информации. Также, исходя из параметров эффективности коммуникации кибернетических моделей, можно определить эффективность реализуемых тактических приемов в текущей ситуации следственного действия.

Семиотический подход определяет коммуникацию как «процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» [21. С. 16]. Соответственно, «коммуникация реализуется в конкретных коммуникативных ситуациях согласно нормам речевой деятельности, которая состоит из мотивированных речевых действий коммуникантов» [22. С. 64]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – это сообщение, передающее информацию посредством знаковой системы.

Семиотический подход отличается смыслом, который возникает, когда событие объективной действительности обрабатывается в формате языковых конструкций под воздействием социокультурных особенностей участников коммуникации. Также семиотический подход принимает во внимание средство связи, представляющее лингвистический аспект коммуникации. Слова языка, на котором происходит коммуникация, составляют ограниченный набор смыслов, посредством которых участник коммуникации описывает свои переживания и формулирует мысли, закладываемые в сообщение. Кроме того, семиотический подход также рассматривает невербальные средства коммуникации, понимание которых обусловлено общепринятым смыслом определенных действий.

В соответствии с семиотическим подходом коммуникативные действия подразделяются по критерию намеренности (интенциональные/неинтенциональные) и каналу передачи сообщения (вербальные/невербальные) [10. С. 84]. Если участник коммуникации, передающий сообщение, озвучивает информацию целенаправленно посредством речи, значит совершаемое им коммуникативное действие классифицируется как интенциональное и вербальное. Если участник коммуникации целенаправленно передает информацию при помощи невербальных средств общения, совершаемое им коммуникативное действие классифицируется как интенциональное и невербальное. Участник коммуникации также может передавать информацию ненамеренно. В таком случае он не осознает, что осуществляемая им деятельность или сказанные слова представляют собой ценность с точки зрения передаваемой информации. С позиции семиотического подхода в этом случае совершается неинтенциональный коммуникативный акт – невербальный или вербальный – соответственно каналу передачи сообщения.

В рамках семиотического подхода разработана модель коммуникации Дж. Гербнера. Коммуникация рассматривается как последовательность процессов «восприятие события» – «создание сообщения» – «восприятие сообщения». Графически модель коммуникации Дж. Гербнера представлена следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Коммуникативная модель Дж. Гербнера

В соответствии с представленной моделью [23. P. 177] событие воспринимается участником коммуникации и при помощи средств создания сообщение приобретает форму и содержание. Сформированное сообщение направляется по каналам передачи другому участнику коммуникации, являясь для него объектом восприятия. Коммуникация также включает в себя анализ доступности и возможности использования средств создания и передачи сообщения. Таким образом проявляется роль языковых и невербальных средств, определяющих передаваемый смысл сообщения.

Преимущества моделей коммуникации семиотического подхода – в качественной оценке сообщаемой информации. Переход к исчисляемым показателям возможен посредством применения контент-анализа [24. С. 125; 25. С. 137]. Также значимой является возможность учета информации, передаваемой по невербальным каналам коммуникации. Данная информация передается, как правило, неосознанно тем участником коммуникации, который является источником такой информации. Неосознанность в данном случае означает отсутствие сознательной регуляции, что позволяет судить об искренность коммуникатора.

Ограничения моделей коммуникации семиотического подхода в том, что не рассматривается механизм расшифровки сообщения получателем. Предполагается, что расшифровка происходит на основании опыта и знания языка получателем сообщения. Отмечается, что особенности восприятия и когнитивные процессы имеют значение. Также предполагаются искажения, вносимые в описания объективной действительности участниками коммуникации. Однако существует недостаток конкретизации указанных положений.

В юридической науке семиотический подход к коммуникации задействован в сфере изучения наси-

лия и противоправного поведения [26. С. 30], «как мобилизующего, так и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий» [27. С. 101]. Также семиотический подход применен в изучении коммуникации внутри преступной группы [28. С. 40].

Заимствование семиотических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса. Во-первых, анализ сообщаемой допрашиваемым информации на стадии свободного рассказа. Установление смысла сообщаемой информации будет способствовать выяснению криминалистически значимых обстоятельств. Во-вторых, выбор и реализация тактических приемов могут быть оптимизированы с учетом смысла, который содержат в себе действия допрашивающего.

Так, например, предложение допрашиваемому изложить показания письменно содержит в себе тот смысл, что его позиция будет собственноручно зафиксирована и приобщена к материалам дела. В то же время предложение ознакомиться с протоколом допроса, составленным допрашивающим, и подписаться под надписью «с моих слов записано верно, мною прочитано», содержит в себе тот смысл, что материалы уголовного дела сформулированы следователем, а пожелания и просьбы подследственного могут быть осуществлены только по воле следователя. Соответственно, судьба подследственного на данный момент в руках следователя, который наделен государством властными полномочиями.

Этологический подход определяет коммуникацию как «социальное объединение индивидов с помощью языка или знаков, установление общезначимых наборов правил для различной целенаправленной деятельности» [29. С. 349], «способ деятельности, который облегчает взаимное приспособление поведения людей» [30. С. 129]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – это согласованная деятельность участников коммуникации. Этологический подход отличается ориентацией на целенаправленность. Назначение коммуникация состоит в организации согласованного взаимодействия. При этом сама коммуникация представляет собой разновидность человеческой деятельности. Следовательно, совместная деятельность предполагает коммуникацию, необходимую для сориентирования действий одного участника коммуникации с действиями другого.

В рамках этологического подхода разработана трансакционая модель коммуникации (рис. 3).

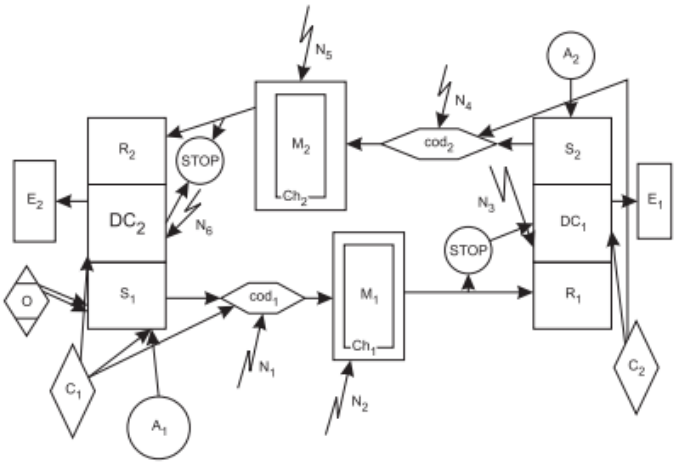

Рис. 3. Трансакционая модель коммуникации.
O – объект; 1, 2 – субъекты коммуникации; S – субъект источник; C – культура субъектов;
A – цель; M – сообщение; декодирование сообщения; E – эффекты; R – субъект получатель;
N – семантические шумы; N – механические шумы; STOP – прекращение коммуникации

В соответствии с трансакционной моделью коммуникации [31. P. 68] каждый из участников коммуникации выступает в роли как источника информации, так и в роли получателя информации. Следовательно, коммуникация состоит из сообщений, поочередно отправляемых одним участником коммуникации и получаемых другим.

Также трансакционная модель учитывает культуру участников коммуникации и эффекты (ответные реакции), вызываемые процессом коммуникативного взаимодействия. Каждый из участников приступает к коммуникации с определенной целью. В частности, такой целью может служить потребность в организации совместной деятельности.

В соответствии с данной моделью [32. С. 44] субъект осуществляет коммуникацию на основании культурно-концептуальной картины мира (ККМ), на которой основан сценарий коммуникации и система ожиданий действий со стороны другого участника коммуникации. Таким образом, представления о надлежащих моделях поведения в текущей коммуникативной ситуации предопределяют коммуникативные стратегию, тактику и ходы участника коммуникации.

Преимущества моделей коммуникации этологического подхода – в относительной устойчивости и прогнозируемости стереотипов коммуникативной деятельности. Предсказуемость поведенческих реакций участников коммуникации позволяет оптимизировать процесс организации взаимодействия (рис. 4).

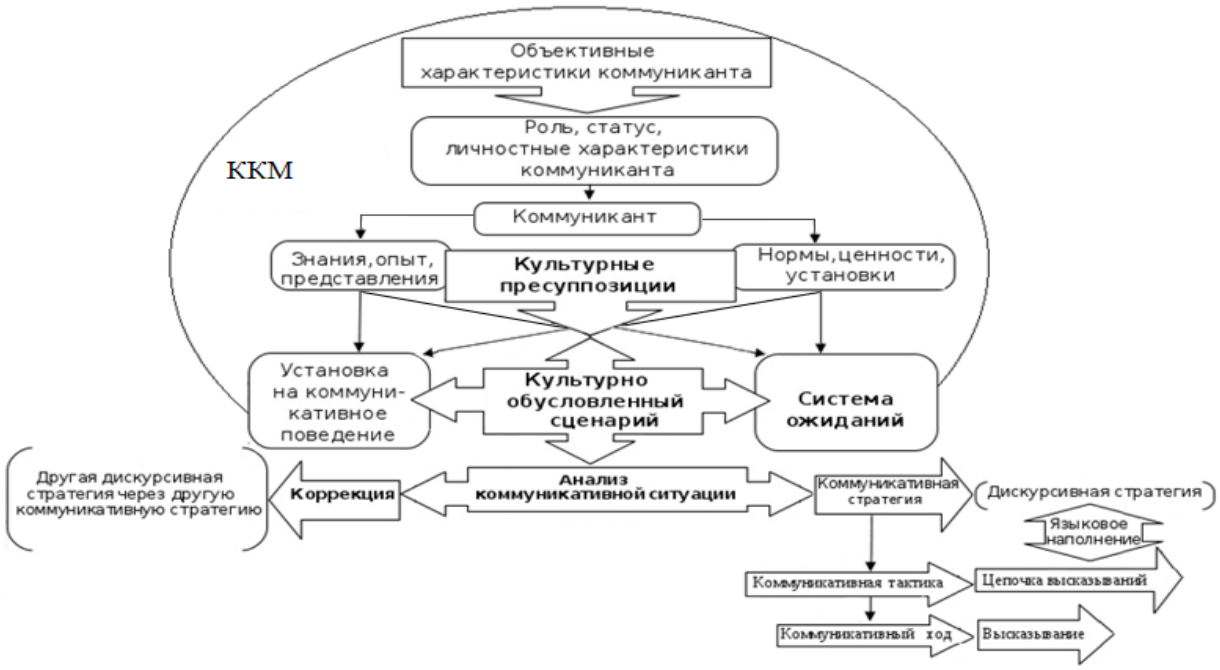

Рис. 4. Межкультурная модель коммуникации

Ограничения моделей коммуникации этологического подхода происходят из того, что они основаны на социальной природе человека. Данный подход не учитывает психологию индивидуальных различий, вследствие которых происходят отклонения от общепринятых норм поведения. Кроме того, коммуникативное поведение состоит из поведенческих моделей, которыми владеет участник коммуникации, исходя из его опыта. Такое поведение характеризуется неадаптивностью к некоторым коммуникативным ситуациям. Поведение может быть деструктивным, в случаях, когда участник коммуникации склонен реагировать агрессивно, вступать в конфронтацию, инициировать конфликты.

В юридической науке этологический подход к коммуникации задействован в сфере изучения ресоциализации осужденных [33. С. 533], отклоняющегося поведения подростков [34. С. 256], форм нарушения права на неприкосновенность частной жизни [35. С. 161].

Заимствование этологических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса. Во-первых, координация действий участников следственной группы, в случае поручения проведения допроса некоторых лиц, вовлеченных в событие преступления, другому сотруднику правоохранительных органов. Во-вторых, разработка тактических комбинаций, способных детерминировать поведение допрашиваемого, связанное с сообщением достоверных показаний. Особую ценность коммуникативные модели этологического подхода представляют в сфере следственных действий, процесс производства которых совмещает коммуникативную и иные виды деятельности: проверка показаний на месте, следственный эксперимент.

Психологический подход определяет коммуникацию как «специфический акт обмена информацией, процесс передачи эмоционального и интеллектуального содержания» [36. С. 10], а также «непосредственное межличностное взаимодействие субъектов, результатом которого в социально-психологическом плане является взаимопереживание, взаимовлияние и взаимопонимание субъектов» [37. С. 10]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – межличностное взаимодействие. Психологический подход отличается рассмотрением личности участников коммуникации в качестве субъектной составляющей коммуникации. Воспринимая другого как «субъект со своими ценностно-смысловыми предпосылками и своим миром означивания реальности, мы изначально выстраиваем наши коммуникативные отношения как попытку диалога, совместного поиска истины» [38. С. 35]. Субъект-субъектный акцент данного подхода определяет значимость личности каждого из участников коммуникации, за счет чего «отношение к другой личности персонализировано» [39. С. 52]. Персонализированность предполагает необходимость учета личностных особенностей участников коммуникации.

В рамках психологического подхода разработана модель коммуникации Ньюкомба (рис. 5). Данная модель именуется социально-психологической [21. С. 231] или ABX-моделью.

В соответствии с данной моделью [40. P. 394] участники коммуникации A и B обмениваются информацией об объекте X. Коммуникация организуется на основе аттитюдов. «Аттитюд – это психическое и нейрофизиологическое состояние готовности, базирующееся на опыте, которое оказывает предопределяющее или динамическое влияние на реакцию человека на все объекты и ситуации, с которыми оно связано» [41. P. 810].

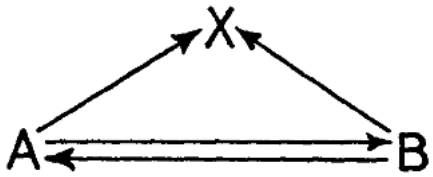

Рис. 5. Социально-психологическая АВХ-модель коммуникации.
А, В – субъекты коммуникации; Х – объект коммуникации

Исходя из аттитюдов формируется отношение одного субъекта к другому субъекту и объекту коммуникации. Отношение включает эмоциональную и когнитивную оценку, которые имеют качественное и количественное измерение. Качественное измерение эмоциональной оценки выражается в векторе: положительном (+) либо отрицательном (–). Качественное измерение когнитивной составляющей выражается в стремлении (+) либо избегании (–). Количественное измерение отношения заключается в численной степени выраженности. Исходя из сопоставления векторов, отношение субъектов коммуникации друг к другу или к объекту может быть одинаковым (+) (+) / (–) (–) либо различным (+) (–) / (–) (+). Как отмечает Т.М. Ньюкомб, отношения в коммуникации имеют «стремление к симметрии» [40. P. 395], что выражается в тенденции преобразования в процессе коммуникации векторов качественной оценки к одинаковым значениям у обоих участников.

В рамках психологического подхода также разработана модель коммуникации Спицберга (рис. 6).

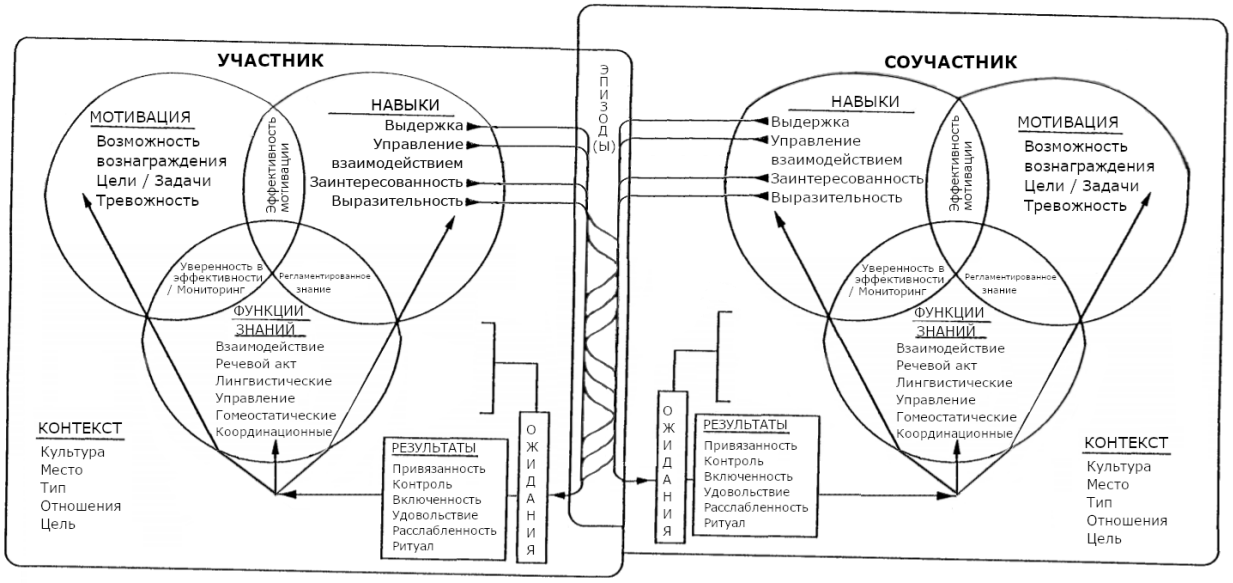

Рис. 6. Модель коммуникации Спицберга

Модель коммуникации Спицберга [42. P. 382] рассматривает эпизод взаимодействия. Данная модель содержит психологические характеристики участников коммуникации такие, как мотивация, навыки, знания об организации коммуникации. Также модель включает в себя поведение, ожидаемое от другого участника коммуникации, и результаты, оценивающие коммуникативный акт по критериям взаимоориентации субъектов коммуникации. Кроме того, учитывается контекст, который представлен ситуационными факторами коммуникации.

Преимущества моделей коммуникации психологического подхода заключаются в учете личностных особенностей участников, понимание которых способствует оптимизации процесса коммуникации. Также существенно включение мотивационной и эмоциональной составляющих межличностного взаимодействия, принятие во внимание актуальных переживаний субъекта, динамики его психологического состояния, процесса мотивации поведения в общении.

Ограничения моделей коммуникации психологического подхода – в необходимости учета индивидуального опыта субъекта, который обусловлен рамками его коммуникативной компетентности и социального интеллекта.

В юридической науке психологический подход к коммуникации задействован в сфере изучения государственной гражданской службы [43. С. 13], коммуникативной компетентности руководителя оперативного подразделения [44. С. 62], сотрудников уголовно-исполнительной системы [45. С. 24; 46. С. 122].

Заимствование психологических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса.

Во-первых, установление психологического контакта, который основан на демонстрации понимания внутренних переживаний допрашиваемого, стимулировании положительной эмоциональной реакции и факторов мотивационной сферы его личности, способных сформировать установку на сотрудничество. Во-вторых, персонификация тактических приемов допроса, в том числе приемов психического воздействия на мотивационную сферу личности допрашиваемого с тем, чтобы стимулировать имеющиеся в ней мотивы (точнее, мотивационные образования) или даже добиться в ней изменений с целью получения от него правдивых показаний.

Посредством психологических моделей коммуникации можно определить то, какие психические качества, свойства личности допрашиваемого использовать и каким именно образом. Обращаясь к опыту имеющихся исследований, следует констатировать, что среди подлежащих использованию в ходе допроса психических качеств и свойств личности допрашиваемого важное место принадлежит свойствам, элементам мотивационной сферы. Это определяется особой ролью свойств, элементов мотивационной сферы последних среди других психических свойств и элементов личности человека, что, вслед за психологами [47. С. 182–183, 344], применительно к личности преступника, обвиняемого (подозреваемого), признается в работах ученых наук уголовно-правового цикла [48. С. 6–7, 11, 25; 49. С. 6; 50. С. 23; 51. С. 29–30, 35–41; 52. С. 14, 26, 53–70, 87–99], включая криминалистику.

Обобщая приведенные в этих работах понятия, в наиболее общей форме можно определить понятие мотивационной сферы личности обвиняемого следующим образом: это относительно устойчивая, иерархически организованная система мотивов (мотивационных образований), которая является побуждающей и направляющей определенную деятельность и поведение обвиняемого подсистемой его личности. Составляют мотивационную сферу личности обвиняемого такие ее элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивационными образованиями, как потребности, ценностные ориентации, влечения (желания), интересы, увлечения, привычки, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов различных проявлений поведения и деятельности обвиняемого. Относительно мотивационной сферы личности любого допрашиваемого, независимо от его процессуального статуса (кроме обвиняемого, подозреваемого у него может быть статус потерпевшего или свидетеля), можно утверждать то же самое.

Одним из известных тактических приемов, предполагающих использование сведений о мотивационной сфере личности лица в тактике его допроса, является прием «стимулирования положительных (отрицательных) качеств личности». Этот прием в варианте стимулирования положительных качеств личности включает в себя психическое воздействие допрашивающего на содержащиеся (и ведущие, доминирующие) в мотивационной сфере личности допрашиваемого чувства (отношения), влечения к определенным лицам, мотивационные установки, привычки, склонности к определенным деятельности, поведению, образу жизни, имеющим положительную социальную оценку и обеспечивающим удовлетворение его потребности в самоуважении (удовлетворение его чувства собственной значительности).

Так, может использоваться воздействие на особое отношение допрашиваемого к социальному институту семьи вообще и своей семье, в частности («отличный семьянин»), склонность к социально полезной деятельности по месту жительства (например, по благоустройству микрорайона, общего имущества и окружающей территории многоквартирного дома), к проявлению активной гражданской позиции в решении вопросов государственного, местного и общественного значения (реализуемой, например, в депутатской деятельности того или иного уровня, в организации и участии в деятельности общественных организаций) и др.

Стимулирование отрицательных качеств личности допрашиваемого также возможно в тактических целях допроса, т.е. это тоже психическое воздействие на элементы мотивационной сферы личности допрашиваемого, вызывающие деятельность, поведение и образ жизни, однако имеющие уже отрицательную социальную оценку, но при этом все-таки обеспечивающие удовлетворение его потребности в самоуважении (удовлетворение его чувства собственной значительности). Например, может использоваться воздействие на чувства солидарности с другими участниками преступной группы и особого уважения к наиболее авторитетным ее членам, в случаях ранее начавшегося сотрудничества таких членов преступной группы с органами уголовного преследования.

Сведения о мотивационной сфере личности допрашиваемого также могут использоваться для создания у него понимания (можно сказать, чувства) общности определенных интересов, увлечений, склонностей, привычек, мотивационных установок и т.п. с допрашивающим. В конфликтной ситуации допроса это может обеспечить преодоление у допрашиваемого неконструктивной внутренней оценки ситуации допроса как противопоставления, с одной стороны, социальной общности «они» (допрашивающий, иные представители правоохранительных органов, а иногда здесь подразумеваются вообще все законопослушные граждане), с другой – социальной общности, включающей «я» (допрашиваемый со своими особыми интересами, склонностями и представлениями о законе, отличающимися от таковых у «они»). В результате создаются условия для конструктивной оценки ситуации допроса как принадлежности допрашиваемого и допрашивающего к единой социальной общности «мы» (мы – спортсмены, мы – знатоки той или иной техники, мы – ценители определенных направлений культуры (литературы, музыки, живописи, искусства) и др.).

Описанные тактические возможности использования сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого могут как способствовать установлению конструктивного психологического контакта с ним, так и стимулировать у него установку на сотрудничество и положительное поведение – дачу правдивых показаний.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что обозначенные подходы к определению коммуникации основаны на смыслообразующей составляющей данного феномена. Смыслообразующая составляющая коммуникации в кибернетическом подходе – система передачи информации. Заимствование моделей коммуникации кибернетического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к криминалистической характеристике сообщаемой допрашиваемым информации и ситуационному анализу обстановки проведения допроса. Смыслообразующая составляющая коммуникации в семиотическом подходе – смыслосодержащее сообщение.

Заимствование моделей коммуникации семиотического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к анализу сообщаемой допрашиваемым информации на стадии свободного рассказа и оптимизации воздействия, оказываемого допрашивающим в процессе проведения допроса. Смыслообразующая составляющая коммуникации в этологическом подходе – согласованная деятельность. Заимствование моделей коммуникации этологического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к координации действий участников следственной группы и разработке тактических комбинаций. Смыслообразующая составляющая коммуникации в психологическом подходе – личность. Заимствование моделей коммуникации психологического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к установлению психологического контакта и персонификации тактических приемов допроса.

Криминалистический потенциал заимствования коммуникативных моделей в тактику проведения допроса основан на том, насколько подход к определению коммуникации, в рамках которого создана конкретная модель, соответствует задачам, решаемым посредством определенного криминалистического инструментария. Определяя сферу применимости модели, также следует учитывать преимущества и ограничения, которыми характеризуется конкретная модель коммуникации. Благодаря изложенному подходу, обеспечивается адаптивная интеграция знаний из смежных криминалистике наук в целях повышения эффективности предварительного расследования преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Криминалистика : учебник для вузов. М. : НОРМА, 2001. 990 с.
2. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Т. 3. 250 с.
3. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 7 (58). С. 49–53.
4. Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск: АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2019. 281 с.
5. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М. : Гардарики, 2003. 616 с.
6. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга. М. : Юнити-Дана, 2001. 415 с.
7. Shannon C.E., Weaver W. The mayhematical theory of communication. Urbana : The university of Illinois press, 1964. 125 p.
8. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // İletişim kuram ve araştırma dergisi. Kış-Bahar. 2007. № 24. P. 215–228.
9. Lasswell H.D. The uses of content analysis data in studying social change // International Conference on Comparative Research on Social Change and Regional Disparity March 27 – April I st. New Delhi, 1967. P. 57–70.
10. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб. : Питер, 2011. 288 с.
11. Cunningham L.L. Applying Lasswell's Concepts in Field Situations: Diagnostic and Prescriptive Values // Educational Administration Quartely. 1981. Vol. 17, № 2. P. 21–43.
12. Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация. М. : ИС РАН, 2005. 158 с.
13. Вотчин И.С. Моделирование и определение содержания коммуникативного процесса // Философия образования. 2009. № 2 (27). С. 211–219.
14. Береснева Ю.В. Становление понятия «коммуникация» в социально-гуманитарном познании: содержание, структура, функции коммуникации // Вестник МГОУ. 2017. № 4. С. 6–20.
15. Воронцов С.Г. Модель коммуникации Г.Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 414–431.
16. Кравец А.А. Толкование правовых актов как правовая коммуникация (конституционный и муниципально-правовой диалог) // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Алушта, 2019. С. 199–203.
17. Радионов Д.А. Социально-психологическая экспертиза информационных материалов с целью выявления признаков преступлений экстремистской направленности // Научный портал МВД России. 2015. № 1 (29). С. 85–90.
18. Хлус А.М., Ляхнович А.С. Нравственные основы коррупции и их криминалистический анализ // Современные проблемы права, экономики и управления. 2018. № 1 (6). С. 128–136.
19. Мартынов А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений: проблема структурированности // Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. 2014. Т. 14, № 2. С. 39–45.
20. Князьков А.С. Понятие и сущность следственной ситуации // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности». Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 94–101.
21. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Киев : Ваклер; Москва : Рефл-бук, 2001. 656 с.
22. Конецкая В.П. Социология коммуникаций. М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
23. Gerbner G. Toward a general model of communication // ETR&D. № 4. 1956. P. 171–199.
24. Чернобровкина Е.П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 125–129.
25. Малкова Г.Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств : дис. … канд. психол. наук. М., 2005. 137 с.
26. Смирнов А.А. Средства массовой информации в механизме детерминации противоправного поведения // Научный портал МВД России. 2012. № 2 (18). С. 26–34.
27. Грачев М.Н. Трансформация моделей мобилизующего и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий на аудиторию // Век информации, 2017. № 1–2. С. 100–102.
28. Енгалычев В.Ф., Моисеева И.Г., Моисеев А.В. Об особенностях применения метода контент-анализа в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3 (40). С. 39–46.
29. Черри К. Человек и информация: пер. с англ. М. : Связь, 1972. 368 с.
30. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 544 с.
31. Tan A.S. Mass communication theories and research. Columbus : Grid Publishing, 1981. 311 p.

32. Шеина И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.
33. Пастушеня А.Н., Симакова Т.А. Ресоциализация как процесс социально-психологического и духовно-нравственного развития личности осужденных // Человек: преступление и наказание. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. Т. 27, № 4. С. 529–535.
34. Новик Н.Н. Коммуникативные навыки и их формирование у подростков с отклоняющимся поведением // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 254–258.
35. Капустина А.Г. Информация о частной жизни в структуре массовой коммуникации. Этико-правовой аспект // Известия Южного федерального университета. 2016. № 3. С. 161–167.
36. Таратухина Ю.В., Авдеева З.К. Деловые и межкультурные коммуникации. М. : Юрайт, 2015. 324 с.
37. Болотова А.К., Жуков Ю.М. Психология коммуникаций. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 495 с.
38. Сидорская И.В. Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании // Материалы II Международной научно-практической конференции. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. С. 35–37.
39. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси : Мецниереба, 1989. 204 с.
40. Newcomb T.M. An approach to the study of communicative acts // Psychological Review. 1953. Vol. 60 (6). P. 393–404.
41. Allport G.W. Attitudes. Worcester : Clark university press, 1935. 1195 p.
42. Spitzberg B. A model of intercultural communication competence // International journal of intercultural relations. 1984. № 10. P. 380–392.
43. Тулугоева М.С. Социальные особенности коммуникаций в государственной гражданской службе : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2004. 22 с.
44. Лобажевич В.В., Поликарпов И.С. Коммуникативная компетентность руководителя оперативного подразделения как условие эффективности его управленческой деятельности // Антинаркотическая безопасность. 2014. № 1 (2). С. 61–68.
45. Пестриков Д.В., Полянин Н.А. Толерантное поведение сотрудников ФСИН России. Рязань : Book Jet, 2017. 226 с.
46. Дубова О.Д. Характеристика коммуникативной компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования: материалы конф., 2017. С. 120–123.
47. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
48. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 152 с.
49. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
50. Криминальная мотивация. М. : Наука, 1986. 304 с.
51. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. 383 с.
52. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 марта 2021 г.

Forensic Potential of Borrowing Communication Models into the Interrogation Tactic

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 238–248.
DOI: 10.17223/15617793/466/29

Alyona S. Skorevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorevich.a.s@msail.ru
Dmitriy A. Mezinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: interdisciplinary research; communication models; motivation; interrogation tactics.

The article deals with the problem of interdisciplinary research related to the borrowing of communication models from related sciences into the forensic tactic of investigative actions. The subject matter of the research is the interpersonal interaction of interrogation participants. The study used the general research methods of analysis, synthesis, abstraction, system analysis, as well as the specific modeling and comparative-historical research methods. The article contains the following conclusions. Communication models are a field of interdisciplinary research that has significant potential for borrowing into forensic science in order to improve the efficiency of preliminary investigation. The existing definitions of communication that are based on the allocation of semantic components are grouped into the following approaches: cybernetic, semiotic, ethological, and psychological. Semantic components were established for each approach to the definition of communication by abstracting: in the cybernetic approach, it is a system of information transmission; in the semiotic approach, it is a meaningful message; in the ethological approach, it is a coordinated activity; in the psychological approach, it is an individual. The final conclusion is the idea that the forensic potential of borrowing communication models into the tactic of interrogation is based on the extent to which the approach to defining communication, within which a specific model was created, corresponds to the tasks solved by means of a certain forensic toolkit. The cybernetic approach abstracts communication into a system of information, the content of which is blocks of data. Accordingly, the sphere of forensic characterization of crimes, used as a system for grouping information contained in the testimony of the interrogated, has the greatest potential for borrowing cybernetic models of communication. The semiotic approach focuses on the meaning that is embedded in the behavior of interrogation participants and the ways in which it is conveyed. Respectively, the sphere of overcoming the interrogated person's opposition and the tactic of targeted influence have the greatest potential for borrowing semiotic communication models. The ethological approach is focused on interaction as the need for coordinated actions of the participants in communication. Accordingly, the greatest potential for borrowing ethological models of communication belongs to the sphere of coordinating the actions of the participants in the investigation team, as well as developing tactical combinations. The psychological approach is based on the unique personality of the offender. Respectively, the sphere of establishing psychological contact and personification of tactical methods of interrogation has the greatest potential for borrowing ethological models of communication.

REFERENCES

1. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov* [Forensic science: a textbook for universities]. Moscow: NORMA.
2. Vedernikov, N.T. (2019) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tukhvatulina, L.R. (2006) Printsipy klassifikatsii modeley kommunikatsii [Principles of classification of communication models]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7 (58). pp. 49–53.
4. Akhmedshin, R.L. & Voronin, S.E. (2019) *Modelirovanie v kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Modeling in forensic activities]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
5. Vasilik, M.A. (2003) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Foundations of the theory of communication]. Moscow: Gardariki.

6. Smith, P., Berry, C. & Pulford, A. (2001) *Kommunikatsii strategicheskogo marketinga* [Strategic marketing communications]. Translated from Englidh. Moscow: Yuniti-Dana.
7. Shannon, C.E. & Weaver, W. (1964) *The mathematical theory of communication.* Urbana: The university of Illinois press.
8. Lasswell, H.D. (2007) The structure and function of communication in society. *İletişim kuram ve araştırma dergisi. Kış-Bahar*. 24. pp. 215–228.
9. Lasswell, H.D. (1967) The uses of content analysis data in studying social change. *International Conference on Comparative Research on Social Change and Regional Disparity*. New Delhi. pp. 57–70.
10. Gavra, D.P. (2011) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of communication]. St. Petersburg: Piter.
11. Cunningham, L.L. (1981) Applying Lasswell's Concepts in Field Situations: Diagnostic and Prescriptive Values. *Educational Administration Quartely*. 17 (2). pp. 21–43.
12. Adam'yants, T.Z. (2005) *Sotsial'naya kommunikatsiya* [Social communication]. Moscow: IS RAS.
13. Votchin, I.S. (2009) Modelirovanie i opredelenie soderzhaniya kommunikativnogo protsessa [Modeling and determination of the content of the communicative process]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 2 (27). pp. 211–219.
14. Beresneva, Yu.V. (2017) The Formation of the Concept "Communication" in Social-Humanitarian Knowledge: Content, Structure and Functions of Communication. *Vestnik MGOU – Bulletin MSRU. Series: Philosophy*. 4. pp. 6–20. (In Russian).
15. Vorontsov, S.G. (2019) Methodological Problems of the Civil Law Researches. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 1. pp. 414–431. (In Russian).
16. Kravets, A.A. (2019) [Interpretation of legal acts as legal communication (constitutional and municipal legal dialogue)]. Conference Procedings. Alushta. pp. 199–203. (In Russian).
17. Radionov, D.A. (2015) Sotsial'no-psikhologicheskaya ekspertiza informatsionnykh materialov s tsel'yu vyyavleniya priznakov prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti [Socio-psychological examination of information materials in order to identify signs of extremist crimes]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 1 (29). pp. 85–90.
18. Khlus, A.M. & Lyakhnovich, A.S. (2018) Nravstvennye osnovy korruptsii i ikh kriminalisticheskiy analiz [Moral foundations of corruption and their forensic analysis]. *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya*. 1 (6). pp. 128–136.
19. Martynov, A.N. (2014) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy: problema strukturirovannosti [Forensic characteristics of crimes: the problem of structure]. *Problemy i voprosy ugolovnogo prava, ugolovnogo protsessa i kriminalistiki*. 14 (2). pp. 39–45.
20. Knyaz'kov, A.S. (2012) [The concept and essence of the investigative situation]. *Aktual'nye problemy ispol'zovaniya situatsionnogo podkhoda v yuridicheskoy nauke i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* [Topical issues of using the situational approach in legal science and law enforcement]. Conference Proceedings. Kaliningrad: Baltic Federal University. pp. 94–101. (In Russian).
21. Pocheptsov, G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory]. Kyiv: Vakler; Moscow: Refl-buk.
22. Konetskaya, V.P. (1997) *Sotsiologiya kommunikatsiy* [Sociology of communications]. Moscow: International University of Business and Management.
23. Gerbner, G. (1956) Toward a general model of communication. *ETR&D.* 4. pp. 171–199.
24. Chernobrovkina, E.P. (2011) Kontent-analiz v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Content analysis in linguistic research]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 11. pp. 125–129.
25. Malkova, G.Yu. (2005) *Kontent-analiz avtobiograficheskikh rasskazov v izuchenii lichnostnykh svoystv* [Content analysis of autobiographical stories in the study of personality traits]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
26. Smirnov, A.A. (2012) Sredstva massovoy informatsii v mekhanizme determinatsii protivopravnogo povedeniya [Mass media in the mechanism of determination of illegal behavior]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 2 (18). pp. 26–34.
27. Grachev, M.N. (2017) Transformatsiya modeley mobilizuyushchego i desotsializiruyushchego vozdeystviya kommunikativnykh tekhnologiy na auditoriyu [Transformation of models of mobilizing and desocializing impact of communication technologies on the audience]. *Vek informatsii – Information Age.* 1–2. pp. 100–102.
28. Engalychev, V.F., Moiseeva, I.G. & Moiseev, A.V. (2015) Ob osobennostyakh primeneniya metoda kontent-analiza v sudebno-psikhologicheskoy ekspertize razlichnoy predmetnoy napravlennosti [On the peculiarities of using the method of content analysis in forensic psychological examination of various subject areas]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 3 (40). pp. 39–46.
29. Cherry, C. (1972) *Chelovek i informatsiya* [Man and information]. Translated from English. Moscow: Svyaz'.
30. Shibutani, T. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Translated from English by V.B. Ol'shanskiy. Rostov-on-Don: Feniks.
31. Tan, A.S. (1981) *Mass communication theories and research*. Columbus: Grid Publishing.
32. Sheina, I.M. (2010) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya kak proyavlenie lingvisticheskogo i kul'turnogo opyta* [Intercultural communication as a manifestation of linguistic and cultural experience]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
33. Pastushenya, A.N. & Simakova, T.A. (2019) Resotsializatsiya kak protsess sotsial'no-psikhologicheskogo i dukhovno-nravstvennogo razvitiya lichnosti osuzhdennykh [Resocialization as a process of socio-psychological and spiritual-moral development of the personality of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 27 (4). pp. 529–535.
34. Novik, N.N. (2012) Kommunikativnye navyki i ikh formirovanie u podrostkov s otklonyayushchimsya povedeniem [Communication skills and their formation in adolescents with deviant behavior]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1 (27). pp. 254–258.
35. Kapustina, A.G. (2016) Informatsiya o chastnoy zhizni v strukture massovoy kommunikatsii. Etiko-pravovoy aspekt [Information about private life in the structure of mass communication. Ethical and legal aspect]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta.* 3. pp. 161–167.
36. Taratukhina, Yu.V. & Avdeeva, Z.K. (2015) *Delovye i mezhkul'turnye kommunikatsii* [Business and intercultural communications]. Moscow: Yurayt.
37. Bolotova, A.K. & Zhukov, Yu.M. (2015) *Psikhologiya kommunikatsiy* [Psychology of communications]. Moscow: HSE.
38. Sidorskaya, I.V (2008). [Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education]. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the II International Conference]. Minsk: Izd. tsentr BGU. pp. 35–37. (In Russian).
39. Sardzhveladze, N.I. (1989) *Lichnost' i ee vzaimodeystvie s sotsial'noy sredoy* [Personality and its interaction with the social environment]. Tbilisi: Metsniereba.
40. Newcomb, T.M. (1953) An approach to the study of communicative acts. *Psychological Review.* 60 (6). pp. 393–404.
41. Allport, G.W. (1935) *Attitudes.* Worcester: Clark University Press.
42. Spitzberg, B. (1984) A model of intercultural communication competence. *International Journal of Intercultural Relations*. 10. pp. 380–392.
43. Tulugoeva, M.S. (2004) *Sotsial'nye osobennosti kommunikatsiy v gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe* [Social features of communications in the state civil service]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
44. Lobazhevich, V.V. & Polikarpov, I.S. (2014) Kommunikativnaya kompetentnost' rukovoditelya operativnogo podrazdeleniya kak uslovie effektivnosti ego upravlencheskoy deyatel'nosti [Communicative competence of the head of the operational unit as a condition for the effectiveness of his managerial activity]. *Antinarkoticheskaya bezopasnost'.* 1 (2). pp. 61–68.
45. Pestrikov, D.V. & Polyanin, N.A. (2017) *Tolerantnoe povedenie sotrudnikov FSIN Rossii* [Tolerant behavior of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan': Book Jet.
46. Dubova, O.D. (2017) [Characteristics of communicative competence among employees of the penal system]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii v usloviyakh reformirovaniya* [The penal system of Russia in the context of reforming]. Conference Proceedings. S.l.: [s.n.]. pp. 120–123. (In Russian).
47. Il'in, E.P. (2000) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter.

48. Kotov, D.P. (1975) *Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie* [Motives for crimes and their proving]. Voronezh: Voronezh State University.
49. Volkov, B.S. (1982) *Motivy prestupleniy* [Motives for crimes]. Kazan: Kazan State University.
50. Antonyan, Yu.M. et al. (1986) *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal motivation]. Moscow: Nauka.
51. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation for criminal behavior]. Moscow: Nauka.
52. Mezinov, D.A. (1999) *Prestupnaya motivatsiya kak ob"ekt poznaniya v kriminalistike* [Criminal motivation as an object of knowledge in forensic science]. Law Cand. Diss. Tomsk.

Received: 16 March 2021